

Психологические науки

УДК 159.99

РЕЦЕНЗИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ИЛИ «ТЕНЕВЫЕ ГРАНИ» СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.В. Мантикова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.
Независимый судебный эксперт-психолог (Абакан, Республика
Хакасия, Россия);

ORCID: 0000-0002-6429-228X

Л.Ф. Чупров

Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной
Сибири» (Черногорск, Россия);

ORCID: 0000-0002-7878-5245

А.А. Костригин

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина –
Технологии. Дизайн. Искусство. (Москва, Россия);

ORCID: 0000-0002-5454-7357

Аннотация. В статье описан опыт анализа случаев, так называемой «экспертизы экспертиз» (рецензии сторонней экспертизы), как один из вариантов экспертной работы судебного эксперта-психолога. Обсуждаются экзотические эпизоды, присутствующие в доступных для исследования протоколах экспертного заключения, предоставляемых авторам по запросу сторон судопроизводства. В центре внимания экспертов анализ случаев неправильного или непрофессионального использования проективных психодиагностических инструментов и неправомерных выводов на их основе.

Ключевые слова: экзотические случаи, рецензия экспертизы, судебное экспертное исследование, психологическая практика, судебная психология, проективные диагностические инструменты

UDC 159.99

A REVIEW OF EXAMINATION OR “THE SHADOW EDGES” OF A FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION

A.V. Mantikova

Khakas State University N.F. Katanov (Abakan, Russia)

L.F. Chuprov

Journal «Bulletin on pedagogy and psychology of Southern Siberia»

A.A. Kostrigin

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

Moscow, Russia

Abstract: The article describes the experience of case analysis, the so-called “examination of examinations” (reviews of third-party examination), as one of the options for the expert work of a forensic psychologist. Excise episodes are discussed that are present in the protocols of expert opinion available for research, provided to the authors at the request of the parties to the proceedings. The focus of experts is the analysis of cases of improper or unprofessional use of projective psycho-diagnostic tools and unlawful conclusions based on them.

Keywords: special cases, expert review, forensic expert study, psychological practice, forensic psychology, projective diagnostic tools

В деятельности судебного эксперта-психолога экскузитные и казуистические эпизоды встречаются довольно часто. Сама по себе экспертная практика зачастую требует неординарных подходов к поиску ответов на поставленные следствием или стороной защиты вопросы (Чупров Л.Ф., 2011; Чупров Л.Ф., 2015; Чупров Л.Ф., 2016; Chuprov L.F., 2015) [7; 8; 9; 12].

К настоящему времени психолог, которому предстоит производство экспертизы, имеет на вооружении достаточное количество литературы как по гуманитарной экспертизе

(Психологическая экспертиза, 2016) [4], так и судебной и комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертизе (Балабанова Л.М., 1998; Кудрявцев И.А., 1988) [1; 2], описывающей методику и технологию проведения судебно-психологической экспертизы, ее «технологических» моментов [3].

Определенный опыт описан и по ревизии экспертиз [10; 11].

Актуальными остаются и вопросы этического плана при проведении экспертного исследования [5].

И, тем не менее, отдельные моменты остаются либо вне его внимания, либо игнорируются по неосведомленности.

Из опыта авторов, по данным за 2015 год и январь 2016 года, в Республике Хакасия и по югу Красноярского края, в рамках гражданского судопроизводства, судебно-психологические экспертизы по частоте проведения можно проранжировать следующим образом:

1. о расторжении брака и определении места жительства ребёнка;
2. об определении места жительства ребёнка и порядка общения с ребёнком;
3. об изменении порядка общения с ребёнком;
4. об ограничении в родительских правах;
5. ревизия экспертизы («экспертиза экспертизы») – аналитическое исследование судебно-психологической экспертизы (А.В. Мантикова, Л.Ф. Чупров, 2016) [3].

Сразу оговоримся, что, хотя психолог и привлекается к проведению такого рода экспертиз под пунктами 1-4, окончательный вопрос решает суд.

Несмотря на то, что категория «ревизия экспертизы» встречается реже всего, такие ревизии экспертизы регулярно проводятся в виде как собственно, экспертиз, так и психологических исследований, реализуемых по инициативе какой-либо из сторон гражданского процесса без судебного определения. Поводом для исследований подобного рода служит сомнение, чаще всего, одной из сторон, в степени достоверности полученных результатов, а также их адекватной трактовки,

интерпретации, квалификации специалиста-психолога, назначенного экспертом. Также поводом служит недоверие к организации, учреждению, в котором реализована экспертиза, недоверие к психологу-эксперту: в маленьких городах, граждане, субъекты экспертизы, подозревают в сговоре, личных взаимоотношениях эксперта с истцом или ответчиком в каждом втором случае. Однако, в этих озвученных в качестве причин случаях, чаще всего суд назначает повторную независимую экспертизу в другом учреждении, нежели инспектирование уже имеющейся экспертизы аналитиком-экспертом.

Ревизия экспертизы («Экспертиза экспертизы») – явление единичное, требующее веских оснований, с одной стороны, и высочайшего уровня профессионализма от эксперта, с другой. Тем более редко это явление в Хакасии, где психологическое сообщество достаточно тесное для того, чтобы не смешивать пласты профессиональных и личных взаимоотношений.

Вместе с тем, когда в экспертизе обнаружены «белые пятна» и конфузы, заметные не всем, но очевидные для профессионально «намётанного глаза», судебному органу ничего не остаётся, как направить разбирать по кирпичикам экспертизу с привлечением другого независимого эксперта.

Имея опыт проведения «вторичных экспертиз», можем составить классификацию причин, почему вообще возникает вопрос о ревизии экспертизы. Не будем цитировать заключения экспертов в открытом виде, и указывать экспертные учреждения, в которых проводятся экспертизы по форме, но не по содержанию, т.к. это не добавит авторам профессиональной компетентности. Однако приведем яркие примеры ошибок экспертов анонимно, в учебных целях.

Начнём с того, что при первом же прочтении специалистом, имеющим достаточную теоретическую подготовку (не говоря ещё даже о практической) по психологии, бросается в глаза. Это грубое несоответствие терминологического описания описываемым в экспертизе явлениям, процессам, свойствам и состояниям, свидетельствующее о пробелах в знаниях эксперта из области

общей психологии и различных отраслей психологии. Эксперт либо неверно распознаёт описываемое им явление (процесс, свойство, состояние), либо распознаёт его интуитивно, но, не владея терминологическим аппаратом науки, присваивает ему иное обозначение, чем вводит в заблуждение. Например, вместо диагностируемой тревожности, в заключении вдруг всплывает тревога, или даже посттравматическое расстройство. С одной стороны, любой документ, рассчитанный на непрофессионала в психологии (суд не исключение) не должен изобиловать специальной терминологией, а если этого не избежать, то необходимо в качестве приложения представить расшифровку терминов. С другой стороны, излишне популярное изложение наблюдаемого (исследуемого) явления может также сыграть против психолога.

Сюда же можно отнести «ляпы», встречающиеся в экспертизах, которые характеризуют низкий уровень полученного образования и даже (!) общекультурного уровня. Такой пример из заключения реальной судебно-психологической экспертизы: тавтология («отрицательное негативное отношение»), а также анекдотичные выражения типа: «эмоциональный фон мальчика в процессе обследования менялся», «в характере могут появиться такие качества личности...» и т.п.

Довольно распространённым негативным явлением, лишаящим проведённую процедуру психодиагностики, в сочетании с беседой и наблюдением, смысла, является бессмысленная агглютинация частей текста экспертизы, создающая эффект причинно-следственной связи. Например, «у ребенка диагностирована высокая позиционируемая самооценка, реальная – низкая» и далее следует вывод: «что связано с ощущением уязвимости и тревожности». При этом дополнений, расшифровок, интерпретаций и указания реальных причинно-следственных связей не наблюдается. Псевдологические конструкции подобного толка – лидер среди причин проведения вторичных экспертиз.

Ещё одной распространённой ошибкой, следовательно, причиной назначения ревизии экспертизы («экспертиза экспертизы»), являются громогласные выводы, которые берутся буквально из интерпретации методики (её описания в методическом руководстве), и не сопоставляются с результатами по другим методикам, контекстом исследуемой ситуации, а иногда и здравым смыслом. Пример: вывод «К матери привязанность отсутствует», основанный на интерпретации проективной методики «Если бы я был волшебником», где из 10 выборов ребенок не сделал ни 1 выбора в пользу матери и бабушки со стороны матери. Вывод как бы интерпретируется следующим: «При этом в отношении матери и бабушки со стороны матери ребенком не сделано ни одного положительного выбора, что свидетельствует об отсутствии эмоциональной привязанности ребенка к этим фигурам». Необходимо отметить, что невозможно делать вывод по одной методике, без сопоставления с результатами других из массива проведенных методик и без наложения контекста исследуемой ситуации. Отсутствие выборов фигуры матери в контексте всего описания, которое мы не будем приводить, свидетельствует, прежде всего, о внутреннем конфликте у ребенка и выражаемых им вытеснении и отрицании, чем об отсутствии привязанности к матери, которая сформирована во всём предшествующем периоде онтогенеза ребенка. К тому же, в описании результатов другой методики – теста межличностных отношений Р. Жилия (Le Test-Film, Rene' Gille), в тестовых заданиях присутствует фигура матери, которую ребенок самостоятельно вводит в сюжет, но везде располагает максимально удалённо от себя. С учетом контекста исследуемой ситуации, это, скорее признак конфликтных взаимоотношений с матерью, внутриличностного конфликта ребенка, но не отсутствия у него привязанности к матери. Когда эксперт делает подобные выводы, возникают вопросы о его ориентации в теориях и концепциях, объясняющих данные механизмы. Данные расшифрованы поверхностно, только с использованием методического руководства. Создается впечатление, что в данном случае, эксперт

не знаком с теорией привязанности Дж. Боулби (John Bowlby), не осведомлен о психологических разработках по теме экспертизы, ограничивая свой профессиональный кругозор чтением руководств по проведению заявленных в экспертизе методик.

Не редки в экспертном заключении фразы: «Исследовать не удалось, так как нет такой методики», но известно, что «Врач-невропатолог не «снимает» свои диагнозы с каучуковых головок молотка А.А. Смолянова, диагностические выводы он формулирует в процессе непосредственного врачебного исследования» (Л.Ф. Чупров, 2009, с.126) [6].

Непрофессионализм, либо действительное участие в сговоре с одной из сторон – это те гипотезы, которые возникают у нового эксперта, когда он замечает выборочную интерпретацию фактов, полученных в первичной экспертизе при обработке проективных методик. Например, присутствует конкретная интерпретация рассказа по рисунку «Несуществующее животное»: «Желания нарисованного мальчиком животного отражают собственные мечты мальчика», где через двоеточие перечислены мечты, которые ребенок ранее озвучивал в беседе с психологом, как нужды, потребности, желания и т.п. При этом, при анализе методики «САТ», такого уровня подробной интерпретации нет. Вместе с тем, она могла внести бы больше ясности в сложившиеся взаимоотношения субъектов: анализируя прямую речь (сочинение рассказа) по одной из проективных методик, рассказ, который ребёнок назвал «Ссора», можно увидеть, что он в буквальном смысле раскрывает свою коалицию с отцом против матери: «Медведь и медведь поссорились. И решили тянуть канат. Один медведь решил сжульничать и позвал своего сына. И тогда медведь, который был один, увидел и начал еще больше сердиться. И началась еще большая ссора». Этот вывод становится тем более явным, когда ребёнок рассказывает об особенностях поведения матери и отца в сложившихся обстоятельствах. При выборочной интерпретации множественных результатов проективных методик в экспертизе, имеется возможность представить результаты под любым, угодным или удобным соусом. Так как сокрытие части

результатов ввиду отсутствия интерпретаций существенно изменяет общую картину экспертизы любого воспринимающего субъекта, тем более, если он не профессиональный психолог.

Ещё одной особенностью «бракованных» экспертиз является смелость эксперта ответить на все, поставленные перед ним судом, вопросы, включая даже такие, на которые он заведомо не мог дать ответ, как минимум, полный. Например, эксперт внятно отвечает на вопрос: «Каковы сложившиеся детско-родительские отношения между отцом, матерью и ребенком?», описывая односторонний взгляд девятилетнего ребенка на детско-родительские отношения с родителями под соусом взаимоотношений, без упоминания, что это только позиция ребенка, так как он (в данной экспертизе) является единственным субъектом экспертизы. При этом родители не обследовались вообще, но выводы о них касаются не только этого аспекта, но также и негативного влияния на ребёнка и прочих вопросов. Авторам встречалась экспертиза, где, объективно, (ввиду того, что исследовался только ребенок, другие члены семьи в экспертизе не принимали участие), можно было ответить только на 4 вопроса из 12, но эксперт ответил на все вопросы. Кроме того, эксперт пытался сохранять ассертивность на судебном заседании, даже тогда, когда его спросили, какие психологические критерии он имел ввиду, а, психолог, привлеченный в качестве эксперта, при этом мог только молчать в ответ, так как не нашёл расшифровки в своём заключении. Кстати, это типовой вопрос для экспертиз по делам об определении места жительства ребёнка, приведём его на всякий случай: «Соответствует ли интересам несовершеннолетнего, с точки зрения психологических критериев, его передача отцу либо матери?». Эксперт воспринял фразу «психологические критерии» как мусор или мишуру, и так ответил на поставленный перед ним судом вопрос (письменно, в экспертизе): «С точки зрения индивидуальных и возрастных особенностей и интересов ребёнка, а также психологических критериев, он (персональные данные ребёнка) нуждается в постоянном общении и контакте с отцом, поэтому для ребёнка

необходима возможность свободно и беспрепятственно встречаться с отцом...». При этом и для самого эксперта, и для всех участников судебного процесса, «психологические критерии» так и остались тайной.

Ещё одной недоработкой, а, возможно, и грубым нарушением, является невнимание к деталям – зачастую эксперты не указывают модификацию использованной методики, вводя в заблуждение тех специалистов, которые, возможно, в дальнейшем, будут анализировать материал. Ведь модификации бывают настолько далеки от исходного варианта, что и выводы по ним получаются иные. Можно не писать про то, что в большинстве заключений экспертов отсутствует список литературы, и невозможно определить, какими методическими руководствами и теоретическими базами они пользовались при обработке результатов и формировании аналитической части экспертизы. Такое упущение встречается довольно часто.

К большому сожалению, встречаются и такие «экспертизы», где собственно аналитическая часть не представлена. Её нет, вообще. Описано несколько страниц прямой речи субъекта экспертизы, по отдельности описаны обработанные результаты проведённых с ним методик, а потом, откуда ни возмись – «конкретные» асертивные ответы на вопросы суда, но без каких-либо обоснований.

Всегда вызывает вопрос о правомерности заключения и его выводов отсутствие в деле протоколов исследования. В случае применения проективных методик, типа рисунков субъекта экспертизы, – этих самых рисунков. Это создает дополнительные сложности для исследования экспертного заключения.

В данном сообщении освещены только вопросы, относящиеся к качеству проведения экспертом-психологом диагностики с применением проективных психодиагностических инструментов. Немало таких погрешностей таит и применение вопросников, интервью, тестов и методик исследования когнитивной сферы, а также патопсихологическое исследование субъекта экспертизы.

Список литературы

1. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). Донецк: Сталкер, 1998. 432 с.
2. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юрид. лит., 1988. 224 с.
3. Мантикова А.В., Чупров Л.Ф. К вопросу о проведении судебно-психологической экспертизы в современных условиях // Наука. Мысль. 2016. № 5-1. С. 88-92.
4. Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития: монография / О.А. Белобрыкина, В.Л. Дресвянников, Л.Б. Шнейдер, И.Е. Валитова, К.Л. Лидин, Г.А. Варганян / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, В.Л. Дресвянникова. – Новосибирск: Издательство ООО «Немо Пресс», 2016. 180 с.
5. Сафуанов Ф.С. Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 4. С. 79-87.
6. Чупров Л.Ф. Психологическая диагностика в работе практического психолога // Вестник практической психологии образования. 2009. № 4. С. 124-127.
7. Чупров Л.Ф. Работа психолога как судебно-психологического эксперта // NovaInfo.Ru. 2011. № 3. С. 163-172.
8. Чупров Л.Ф. Судебно-психологическая экспертиза в работе психолога образования // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 1. С. 100-113.
9. Чупров Л.Ф. О некоторых формальных (процедурных) аспектах судебно-психологической экспертизы // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 168-174.
10. Чупров Л.Ф., Белобрыкина О.А., Хохлов Н.А., Завоеванная Н.С. О критериях качества психологической экспертизы (по материалам четырёх дискуссионных сетевых площадок) или психологический «Балет дроздования» в шести действиях с эпилогом [электронный ресурс] // Вестник по

педагогике и психологии Южной Сибири, 2019. № 1. С. 13-41.
URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/226-1207> (дата обращения: 02.02.2020).

11. *Чупров Л.Ф., Хохлов Н.А.* Экспертиза как проекция эксперта: ревизия (рецензия) экспертизы творчества Егора Крида [электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2019. № 4. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/229-1234> (дата обращения: 20.02.2020).

12. *Chuprov L.F.* Psychological casuistry: the analysis of the judicial expert art criticism conclusion (detection of falsification of works of I.S. Kon) // Pedagogics. Psychology: Selected Papers of the International Scientific School "Paradigma" (Summer-2015, Varna, Bulgaria) Compiling coeditors Dr. Dr.Sc., Prof. A.V.Berlov, Dr.h.c.mult., Ph.D. L.F. Chuprov, Dr.Sc., Prof. E.K. Yanakieva. Yelm, WA, USA, 2015. Pp. 15-20.

References

1. *Balabanova L.M.* Sudebnaja patopsihologija (voprosy opredelenija normy i otklonenij). Doneck: Stalker, 1998. 432 p.

2. *Kudrjavcev I.A.* Sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza. M.: Jurid. lit., 1988. 224 p.

3. *Mantikova A.V., Chuprov L.F.* К вопросу о проведениии сudeбно-психологической jekspertizы v совremennyh uslovijah // Nauka. Mysl'. 2016. № 5-1. Pp. 88-92.

4. Психологическая jekspertiza: совremennost' i tendencii razvitija: monografija / O.A. Belobrykina, V.L. Dresvjannikov, L.B. Shnejder, I.E. Valitova, K.L. Lidin, G.A. Vartanjan / Pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj, V.L. Dresvjannikova. Novosibirsk: Izdatel'stvo ООО «Nemo Press», 2016. 180 p.

5. *Safuanov F.S.* Jeticheskie problemy ispol'zovanija psihologicheskikh znaniј v sudoproizvodstve v neprocessual'nyh formah [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2014. № 4. Pp. 79-87.

6. *Chuprov L.F.* Psihologicheskaia diagnostika v rabote prakticheskogo psihologa // Vestnik prakticheskoi psihologii obrazovaniia. 2009. № 4. Pp. 124-127.

7. *Chuprov L.F.* Rabota psihologa kak sudebno-psihologicheskogo jeksperta // NovaInfo.Ru. 2011. № 3. Pp. 163-172.

8. *Chuprov L.F.* Sudebno-psihologicheskaia jekspertiza v rabote psihologa obrazovaniia // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoi Sibiri. 2015. № 1. Pp. 100-113.

9. *Chuprov L.F.* O nekotorykh formal'nykh (procedurnykh) aspektakh sudebno-psihologicheskoi jekspertizy // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoi Sibiri. 2016. № 2. Pp. 168-174.

10. *Chuprov L.F., Belobrykina O.A., Hohlov N.A., Zavoevannaja N.S.* O kriterijakh kachestva psihologicheskoi jekspertizy (po materialam chetyrjoh diskussionnykh setevykh ploshhadok) ili psihologicheskij «Balet drozdovaniia» v shesti dejstviiakh s jepilogom [jelektronnyj resurs] // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoi Sibiri, 2019. № 1. Pp. 13-41. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/226-1207> (data obrashheniia: 02.02.2020).

11. *Chuprov L.F., Hohlov N.A.* Jekspertiza kak proekcija jeksperta: reviziia (recenziia) jekspertizy tvorchestva Egora Krida [jelektronnyj resurs] // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoi Sibiri, 2019. № 4. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/229-1234> (data obrashheniia: 20.02.2020).

12. *Chuprov L.F.* Psychological casuistry: the analysis of the judicial expert art criticism conclusion (detection of falsification of works of I.S. Kon) // Pedagogics. Psychology: Selected Papers of the International Scientific School "Paradigma" (Summer-2015, Varna, Bulgaria) Compiling coeditors Dr Dr.Sc., Prof. A.V.Berlov, Dr.h.c.mult., Ph.D. L.F. Chuprov, Dr.Sc., Prof. E.K. Yanakieva. Yelm, WA, USA, 2015. Pp. 15-20.

Сведения об авторах

Анна Владимировна **Мантикова**, старший преподаватель кафедры психологии и социальной работы Медико-психолого-

социального института. Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. Независимый судебный эксперт-психолог. (Абакан, Республика Хакассия, Россия). E-mail: anetdomanet@mail.ru

Леонид Федорович **Чупров**, кандидат психологических наук, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия). E-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Артём Андреевич **Костригин**, магистр психологии, старший преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Москва, Россия; e-mail: artdzen@gmail.com

— ● —

Anna Vladimirovna **Mantikova**, senior lecturer at the Department of psychology and social work of the Medical-psychological-social Institute. Khakas state University. N. F. Katanova. Independent forensic psychologist, Republic of Khakassia (Abakan); e-mail: anetdomanet@mail.ru

Leonid Fedorovich **Chuprov**, candidate of psychological Sciences, editor-in-chief of the scientific journal "Bulletin on pedagogy and psychology of southern Siberia" (Russia, Chernogorsk); e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Artem **Kostrigin**, senior lecturer, Department of psychology, Russian state University. A. N. Kosygina (Technologies. Design. Art). Moscow, Russia; e-mail: artdzen@gmail.com